

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ю. Л. Бессмертный

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

**ОЧЕРКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ФРАНЦИИ**

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М О С К В А 2 0 2 4

УДК 94(44)«8/17»-055
ББК 63.3(4Фра)5-284
Б53

Бессмертный, Ю. Л.

Б53 Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции / Юрий Л. Бессмертный. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 240 с.: ил. (Серия «Гуманитарное наследие»)

ISBN 978-5-4448-2226-5

Юрий Львович Бессмертный (1923–2000) — один из блестящих отечественных историков-реформаторов, представитель «неофициальной», или «несоветской», медиевистики в СССР. В книге, ставшей манифестом «новой демографической истории», автор предпринял попытку такого описания исторического прошлого, которое охватывало бы совокупность и взаимодействие его разных сторон: «объективных» исторических процессов, представлений и понятий, сложившихся в демографической сфере, и повседневного поведения людей. На материале истории Франции IX–XVIII вв. ученый анализирует изменения и вариативность форм брака и семьи, трансформацию взглядов на роль женщины в жизни средневекового общества, отношения к детству и старости, представлений о болезни и смерти, рассматривает самосохранительное поведение и половозрастные проблемы в разных социальных слоях и прослеживает изменение важнейших демографических параметров — брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста населения. Впервые изданная в 1991 году, книга предвосхищает переход автора от истории ментальностей к созданной им в дальнейшем отечественной версии микроистории с ее интересом к степеням свободы отдельного человека; анализ «больших» процессов, стереотипных практик и ценностей сочетается здесь с вниманием к отдельным «казусам» и девиантным формам поведения.

УДК 94(44)«8/17»-055
ББК 63.3(4Фра)5-284

© Ю. Л. Бессмертный, наследники, 2024
© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024
© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Копосов. Размышления о книге Ю. Л. Бессмертного «Жизнь и смерть в Средние века».</i>	6
К читателю	27
Глава 1. Проблема и метод	30
Глава 2. Стагнация или рост? (Каролингское время)	43
1. Общая характеристика социальной и демографической ситуации	43
2. Модель брака и брачность	50
3. Ребенок, женщина, половозрастная структура. Проблема прироста населения	66
4. Семья и демографические процессы	78
5. К типологии воспроизводственного процесса	85
Глава 3. Демографический рост XI–XIII вв.	87
1. Постановка вопроса	87
2. Модель брака и брачность	92
3. Ребенок, женщина, половозрастная структура. Масштабы прироста населения	104
4. Смерть и смертность. Продолжительность жизни	124
5. Несколько замечаний об эволюции семьи и виде воспроизводства населения	139
Глава 4. Спад и восстановление XIV–XV вв.	143
1. Постановка вопроса	143
2. Модель брака и брачность. Статус женщины	150
3. Численность детей	171
4. Смерть, смертность, продолжительность жизни	185
5. Об изменениях в структуре семьи	203
6. Вид воспроизводства населения в XIV–XV вв.	205
Глава 5. Демографические процессы в XVI–XVIII вв.	208
Некоторые итоги.	221
Summary	228
Список сокращений.	234

К читателю

Историческая наука на распутье. И не только наша, отечественная. После взлета 60–70-х годов, когда исследования по истории в ряде стран Запада достигли, по общепринятому мнению, крупных успехов, заново пробудив интерес к прошлому в широких массах, в 80-е годы виднейшие западные специалисты забили тревогу. Выявились издержки, казалось бы, безупречных подходов. Исторические штудии все заметнее стали разделяться на плохо сообщающиеся между собой отрасли.

Увлечение отдельными экзотическими сюжетами вытесняло поиск целого. Растущую неудовлетворенность вызывала «расстыковка» анализа субъективного видения мира людьми прошлого и объективных процессов в этом прошлом. Заговорили о принципиальной невозможности понимания связи и взаимосвязи в истории. Все чаще стало звучать слово «кризис»: кризис исторической науки, кризис гуманитарного знания, кризис цивилизации...

Подобным пессимистическим нотам, периодически звучавшим в западной историографии и раньше, долгое время противостоял бодряческий тон советской (и вообще марксистско-ленинской) истории. Все наиболее высокопоставленные ее представители многократно писали о том, что разговоры о кризисе, вполне естественные в «буржуазной» науке, не имеют к марксистской истории никакого отношения: если в рамках «углубляющегося кризиса капитализма» история обречена на кризис, то, напротив, в социалистических странах эта наука не знает (и не может знать!) кризисов, так как владеет единственно верной методологией познания.

Сегодня подобные суждения вызывают лишь усмешку. Во всех наших научных и публицистических изданиях звучат призывы к коренному обновлению. Историкам предлагают как можно скорее ликвидировать «белые» (или «черные», «грязные», «кровавые» и т.п.) пятна в своей науке, открыть забытые страницы прошлого, восславить незаслуженно опозоренных, восстановить справедливость и т.п.

Все эти призывы в общем вполне оправданны. Дело, однако, в том, что даже самое тщательное их выполнение еще далеко не дает желанного возрождения

истории. Историческая правда — это не только крайне необходимая реабилитация миллионов безвинных и столь же оправданное осуждение палачей. Задачи истории намного шире. Изучая прошлое и сообщая о нем новую «информацию к размышлению», она призвана формировать общественное самосознание, толкая к раздумьям о смысле жизни и помогая нам понять самих себя, свое место в цепи поколений, свой гражданский и человеческий долг. История достигает этого не провозглашением абстрактных формул, но умением раскрывать реальную жизнь человека, выявлением того, что составляло его беды и радости и что подспудно их определяло. Поэтому нелепо сводить историю к выполнению конкретного «социального заказа» — каким бы достойным он ни был. Такая история будет лишь безгласной служанкой, у нее не будет собственного лица.

Только освобожденная от очередных «указаний», историческая наука сможет стать поиском научной истины и если и не «научит» нас чему-то конкретному, то по крайней мере подтолкнет в нужном направлении. Правда истории не лежит запечатанная в заветном конверте. Ее надо суметь добыть. История жива умением искать истину и способностью отличить в памятниках прошлого истинное от ложного.

Достичь этого не просто. Чем обширнее и многообразнее наши конкретные знания, тем сложнее собрать их в систему, не потеряв путеводной нити и не смешав зерна с плевелами. Чтобы преодолеть очередной познавательный барьер, важно вовремя заметить его, приостановиться, собраться с силами, найти новый подход, сформулировать новый вопросник. Именно такой момент настал сегодня в мировой историографии. Неважно, как будет он назван — «кризис», «поворот», «перелом». Важно, что в это время каждый, причастный к науке «история», не может не искать свой способ преодоления эпистемологических и конкретно-исторических трудностей и свое место в этом всемирном поиске. Это, разумеется, не предполагает обособления историков или исторических школ друг от друга. Наоборот, любые исторические школы способны двигаться вперед, только постоянно обмениваясь между собой достижениями — так же как и отрицательным опытом. В этом живом обмене идеями, находками, неудачами и состоит приобщение к мировой науке, столь важное для советской историографии, остававшейся десятилетиями в изоляции.

Автору хотелось бы думать, что читатель найдет в этой книге хоть частичку того поиска, о котором только что говорилось. Подобный поиск не знает хронологических ограничений. Он может быть равно актуален и на материале современности, и на материале сверхдалекого прошлого. Важно лишь, чтобы он не превращался в поиск химер вроде пресловутых «всеобщих закономерностей», чеканная поступь которых долго залушала в нашей истории дела и мысли живых людей.

В противоположность такому подходу в центре этой книги человеческая жизнь в ее извечном борении со смертью. Избранный исследовательский

ракурс предполагает сосредоточение внимания на ключевых этапах жизни — от рождения и детства до создания семьи, старения и смерти.

В книге предпринята попытка уяснить прежде всего, как в разные периоды Средневековья люди представляли себе, что такое брак, секс, семья, детство, болезнь, старость, смерть. (То или иное понимание этих явлений называют «демографическими представлениями общества».) Руководствуясь подобными представлениями (а иногда и отклоняясь от них), люди создавали супружеские пары и разводились, рожали детей — или предотвращали зачатие, ухаживали за больными и стариками — или пренебрегали такими заботами и т. п. То, как вели себя люди в борьбе за жизнь (и вообще в демографической сфере), воплощало стереотипы их «демографического поведения».

Одновременно с освещением в книге субъективного восприятия демографических феноменов эти последние будут рассматриваться в их объективной взаимосвязи с особенностями экологических ситуаций, экономических структур, политического устройства, культурной эволюции. При этом будет выясняться ход основных демографических процессов, в частности изменения в рождаемости, брачности, смертности, продолжительности жизни, демографический рост и т. п.

Исследуя переплетение всех этих элементов, так же как взаимосвязь субъективного и объективного, историк получает возможность охватить мысленным взором социальное целое. Не сулит ли этот подход разрешения по крайней мере некоторых из названных выше трудностей исторического синтеза? Не содержит ли такой демографический анализ возможности более продуктивного подхода к познанию прошлого в этой очень важной социальной сфере?

Отрасль истории, изучающая демографические представления, демографическое поведение и демографические процессы в их взаимодействии между собой и с другими социальными явлениями, не имеет вполне устоявшегося названия. Одни называют ее «историческая демография», другие — «демографическая история». Может быть, ее следовало бы именовать «историко-антропологическая демография» по образцу современной исторической антропологии? По отношению к докапиталистическим обществам эта отрасль знания не развита пока ни у нас в стране, ни за рубежом. Это придает исследованию поисковый характер и отчасти объясняет многие его трудности и лакуны.

Автор считает приятным долгом поблагодарить всех коллег, чьи замечания и советы помогли завершению многолетней работы. Особой благодарности заслуживают молодые коллеги автора — В. А. Блонин, П. Ш. Габдрахманов, С. И. Лучицкая и Е. А. Тушина, помогавшие в проведении ряда статистических подсчетов и в подготовке монографии к печати. Автор посвящает книгу жене, другу и ближайшему помощнику — Ирине Михайловне Бессмертной.

Москва, октябрь 1990 г.